

Топливный голод. Антисоветские манипуляции-2026. Введение в курс социологии

[Стрим СЗО-74 в Telegram от 30 июня 2026](#)

[Youtube](#)

[Аудио на podster.fm](#)

Беседа [Семёна Уралова](#) и [Темыра Айтчевича Хагурова](#)

Семён Уралов. Добрый вечер, уважаемые слушатели! 30 июня 2026 года, время нашей рубрики «[Социология здорового общества](#)», бесед с Темыром Айтчевичем Хагуровым, социологом-девиантологом, проректором Кубанского государственного университета.

Темыр Айтчевич, вечер добрый!

Темыр Хагуров. Добрый вечер, Семён Сергеевич! Добрый вечер, уважаемые слушатели! Взаимно, рад слышать.

СУ. Да, после небольшой паузы трудовой, рабочей, научной мы восстанавливаем наши беседы, и у нас будет немного меняться формат. Мы сегодня об этом расскажем. Он будет немного более просветительским и состоять нынче из двух частей. Мы будем делать социологический разбор текущей повестки, а также погружаться в науку социологию через основных представителей, основные идеи. Это будет авторский курс, можно сказать, бесед-лекций Темыра Айтчевича для повышения чистоты понимания всех наших слушателей и меня, в первую очередь, как собеседника.

Но музыка и слова всегда имеют значение. Темыр Айтчевич, мы сегодня слушали очень революционную песню «[Рабочая Марсельеза](#)», вы её заказывали. Объясните, чем обоснован выбор.

ТХ. Совершенно верно, «Рабочая Марсельеза» — это революционная песня, отсылающая нас к началу XX века. Она в свою очередь апеллирует, конечно, к «[Марсельезе](#)», которая стала гимном [Великой французской революции](#). Вообще, мы будем говорить сегодня о возникновении социологии как науки. И в числе причин того, что этот проект интеллектуальный возник в Европе, во Франции, который получил название «Социология», в том числе было реакцией на Великую французскую революцию и на те изменения, которые западные общества претерпевали в конце XVIII — первой половине XIX века, а это революционные движения, это капитализм, это новый социально-экономический уклад. Я боюсь, что, может быть, скажу субъективное мнение, но я совершенно убеждён из знакомства с трудами классиков социологии, что это рождалось как проект поиска справедливого общественного устройства. Крупнейшие интеллектуалы Европы увидели, что это зарождающееся капиталистическое общество, оно зубастое и безжалостное к человеку. И как бы всё устроить к человеческому благу, к идеям справедливости, а тут и идеи [Просвещения](#), идеи [социалистов-утопистов](#), но мы об этом поговорим подробнее. В общем, поиск справедливости и гармоничного социального устройства — это было то, чем вдохновилась социология при своём появлении, и то, что потом

вдохновляло и революционную борьбу.

Я надеюсь, у нас будет время поговорить о такой странице в истории социологической мысли, она очень слабо освещена в учебниках, это левая латиноамериканская социология второй половины XX века, её связь с теологией освобождения, с революционными движениями в Латинской Америке, интеллектуальная реакция на это в США и т. д. Этого почти нет в учебниках, а это очень интересная страница, которая апеллирует к началу, к тому, откуда и почему социология возникала. Вот такое пространное объяснение.

СУ. Принято. Если наука возникла из движений за справедливость, то логично, что [мы выбрали] один из главных гимнов справедливости своего времени.

Сегодня у нас вводная беседа. Так как социология — это наука практическая, мы её будем применять на практике, поэтому первая часть наших бесед — это будет краткий обзор текущей политической общественно-политической повестки, то есть тех событий, которые волнуют нас и их социологическая интерпретация. Сегодня у нас две темы. Тема первая — это то, что колышет и волнует наше общество, а где-то даже, в зависимости от региона к региону, наше общество бурлит. Это ситуация с горючкой, с бензином — со всем, на чём мы передвигаемся, тем более, что Россия и постсоветское пространство двигались долгие годы к пересаживанию человека на персональные автомобили. Нельзя сказать, что с общественным транспортом становилось хуже, но в первую очередь это было идеология: пересаживайтесь на личный транспорт.

Казалось бы, это давало автономность, с одной стороны, а с другой стороны эта автономность была обеспечена широким рынком ГСМ, он был всё более и более доступен. Автозаправки из места, где мы заправлялись, превратились в маленькие супермаркеты, особенно на крупных федеральных трассах, вокруг крупных городов. Это становилось всё больше и больше храмами потребления и настолько в нашу жизнь вошла эта доступность и широкие сети, что это стало просто абсолютной нормой. Хотя страна развита неравномерно, за Уралом и плотность населения, и плотность автозаправок другая, но это стало абсолютной нормой. Никто даже и не задумывался о том, что может быть по-другому. Ан нет, по-другому может быть, как мы увидели.

Мы наблюдаем, с одной стороны, это объективная составляющая, — это удары со стороны Киева непосредственно по объектам переработки и хранилищам, а с другой стороны — накрывшая волна где-то спекуляций, где-то дефицита. Я сейчас нахожусь в Севастополе. Буквально только два дня назад вернулась продажа по QR-кодам так называемым, это фактически талоны. В Крыму ещё ничего нет: талонов нет, QR-кодов нет. Но при этом есть уже широко развернувшаяся спекуляция, кое-где доходит цена спекулятивная за литр у перекупов до 350-400 рублей за литр. Это не только в Крыму, были в лентах сообщения о том, что и в Иркутской области кого-то оштрафовали, задержали по статье «Незаконная предпринимательская деятельность», потому что такой статьи как спекуляция у нас нет. Поэтому ситуация более чем острая. Конечно же, она подогревается в том числе деятельностью иноагентов, оппонентов и всякого подрывного элемента, но спрятать её под ковёр нельзя и невозможно. Тема сверхактуальная.

Темыр Айтчевич, как вы видите ситуацию? Что происходит в Краснодарском крае? Тем более вы активный автомобилист. А дальше интересна ещё и социологическая интерпретация этого процесса.

ТХ. Да, Семён Сергеевич, тема в высшей степени актуальная и болезненная. В Краснодарском крае, так же, как и в других регионах, определённые проблемы в этой области возникли. Часть

заправок закрылась на ремонт. Там, где заправки работают, регулярно очереди, причём подчас довольно длинные, отпускают в руки 20-30 литров бензина на разных заправках. Я, к своей радости, успел зимой поставить газ на автомобиль, это немного выручает в этой ситуации.

Конечно, чувствуется дефицит топлива, чувствуется напряжённость в обществе по этому поводу. Здесь интересно выделить несколько сторон этой ситуации. Первая сторона немного неожиданная: это очень наглядно показывает, насколько хрупкой является наша техногенная цивилизация. Очень многие вещи, которые мы воспринимаем как повседневность и как элемент удобства, когда с ним что-то не так, это вызывает потребительский гнев: «Принесите немедленно», а между тем за этим стоят сложнейшие технологические цепочки. Давайте вспомним, в начале нулевых, те, кто ездил по стране на дальние расстояния, знают, что заправки были в гораздо меньшем количестве, чем сейчас. Бензин был не на всех, люди брали с собой канистры. Например, поехать из Краснодара во Владимирскую область — это было в каком-то смысле приключение, потому что могло не быть бензина на одной заправке. Ты не знал, доедешь ли ты до следующей, у тебя с собой была канистра и т. д.

По мере роста автомобильного рынка в России, ввоза большого количества дешёвых иномарок, б/ушных сначала, а потом уже появление дилеров с новыми машинами, пропорционально этому топливный сервис развивался, внутренний рынок был важной составляющей общего топливного рынка. И ситуация нам казалась абсолютно естественной. Вы совершенно правы, была такая идеология автомобильной свободы. Семьи активно машины покупали, привычным стал цикл владения машины для заметной очень части российского общества в течение нескольких лет, потом продажа и покупка новой. Это всё-таки для советского общества элементы потребительского рая. Мы помним, что машина стоила целое состояние, её покупали раз и навсегда и т. д., и т. п. Мы настолько привыкли к этой ситуации, что часто не осознаём, насколько хрупкой она является.

Давайте на секунду представим, что вместе с проблемами у производителей и перевозчиков топлива возникли какие-то проблемы с импортом машин из Китайской Народной Республики или из других крупных автопроизводящих стран. Что произойдёт? Мы живём в хрупкой техногенной цивилизации, где иногда выбивание одного элемента [приводит к серьёзным проблемам]. То же самое с электричеством, сейчас в Крыму веерное отключение электричества, многие люди жалуются на невозможность долго хранить продукты в холодильнике, проблемы с зарядкой мобильных телефонов, вопросы генераторов и т. д. Хотя нам всегда казалось, что свет — это такая штука, которая живёт в розетке. Сунул вилку — и всё в порядке. В этом плане первый вывод такой: мы находимся в состоянии воюющей страны, наш противник предавать нас не собирается, и риторика у него предельно жёсткая.

Судя не только по риторике, а и по тем действиям, которые предпринимает и Украина как отдельный субъект, и Западная Европа, и США, воевать нам придётся ещё долго,

то есть испытания трудностями военного времени в этой ситуации в определённом смысле естественны. Мы говорили в более ранних передачах о том, что

общество расколото на политизированно-патриотическую часть и потребительскую, которая не хочет включаться в повестку.

Во многом этому способствует сама концепция специальной военной операции — о том, что мы

где-то что-то такое аккуратно делаем, а в целом в обществе идёт нормальная жизнь. Мы видим, как эта нормальная жизнь частично нарушается. И это, конечно, вызывает острую возмущённую реакцию людей, может быть, даже более острую, чем по логике вещей стоило бы проявлять, потому что, ещё раз,

мы живём в воюющей стране, с нами воюет очень опасный, очень мотивированный, очень подготовленный и технически вооружённый враг, и мы не должны его недооценивать. А цель у врага — лишить нас существования.

Об этом важно помнить, потому что когда мы возмущаемся бездействием власти, «почему нас не защитили» и т. д.,

нужно помнить, что во время любой войны население всегда сталкивается с издержками, и нам ещё с ними придётся столкнуться.

Это первый вывод, который, наверное, нужно делать из этой ситуации. Соответственно, разрабатывать некие стратегии домашние, семейные, бытовые, которые учитывали бы эти обстоятельства.

Вторая интересная сторона этой ситуации, вы в одном из недавних постов очень меткое замечание сделали, что

на [КОГНИТИВНУЮ ВОЙНУ](#) значительная часть нашего руководства не явилась.

Мы видим, что в информационной сфере у нас есть явные проигрыши в этой ситуации, потому что она толком не комментируется, а там, где она комментируется, [делается это неуклюже], как, например, сегодняшнее заявление одного из депутатов Госдумы, что ребята, привыкайте, столько топлива, сколько было раньше, уже не будет. Это ничего, кроме раздражения, естественно, у народа не вызывает.

И есть, наконец, ещё организационная составляющая этой истории, то, что вызывает раздражение политизированной части общества.

Мы проспали кратное увеличение численности, дальноточности и мобильности управления противником дальноточными дронами, хотя и прогнозы, и организационные решения отдельными экспертами и политизированной частью общества делались достаточно давно.

Встаёт резонный вопрос, почему не были заранее приняты соответствующие меры, почему ситуация не прогнозировалась, почему не выстраивались эшелоны защиты и почему к защите этих крупных объектов в должной мере, как считает население, не привлекались ресурсы крупного бизнеса, владельцев тех же нефтеперерабатывающих заводов и т. д. То есть как-то включить олигархат в систему издержек от этих военных действий и защиты. Такие основные стороны реакции на эту ситуацию, которая, конечно, подогревается и противником в ходе информационной войны.

СУ. Принято, но тут ещё можно добавить, что реальность войны несколько лет лакировалась, Особенно это в столицах было заметно. Говорили, что ничего не происходит, всё, мол, идёт, как и должно было идти. Некие политические кризисы сотрясали только политизированное меньшинство. В Москве, грубо говоря, уже к середине, наверное, 2023 года ажиотаж первых месяцев СВО уже прошёл, а потом очень большой кризис, который был связан с [контрнаступом](#), с деятельностью [Пригожина](#) и не только его, был купирован фразой нового министра обороны, ставшей легендарной, что «ошибаться можно, врать нельзя». И тут можно было бы ещё расширить, что

паниковать нельзя, а быть бдительным необходимо.

Вся эта история с бензиновым кризисом связана с тем, что вместо того, чтобы повышать бдительность, объяснять, что к чему, чем чревато, где кризис, а где спекуляции, вместо этого снова лакировали тем, что всё под контролем, всё чётко, всё хорошо. И при этом почему-то пытались заболтать (использовать приём [политтехнологический](#) — смена повестки, то есть перефокусировка внимания: «зато на линии фронта некие невероятные успехи»). Но учитывая, что общество в широком смысле этого слова перестала следить за той самой линией фронта, потому что она сместилась к конфликтам вокруг каких-то малоизвестных малопонятных населённых пунктов, которые по три – четыре раза то брали, то оказывалось, что их не брали, и эта расфокусировка расслабила. Плюс традиционное расслабление накануне отпускного сезона, когда вся страна движется на юг. Так что, да, имеет место двойной кризис.

Кроме кризиса непосредственно бензинового, который так или иначе будет стабилизирован либо с помощью более осмысленного потребления, может быть, с элементами планирования, талонов или ещё чего-то подобного, тем более что ничего сложного в этом нет. У нас специально создана была система тех же «Госуслуг», где есть каждый потребитель, есть понятное количество автомобилей, где они находятся. Всё это можно привязать. Тем более мы видим, что те же банковские услуги были привязаны вплоть до геолокации, очень давно на тех же навигаторах появилась услуга «подъехать к конкретной заправке и заправиться», и ты можешь даже заранее оплатить, не выходя из автомобиля, тебе это всё предоставляли. Но почему-то государство не спешит привязывать собой самим созданные сервисы электронные, чтобы сделать удобнее. А это автоматически понизит уровень тревожности и собьёт панические настроения.

СУ. Принято, Темыр Айтчевич, предлагаю двигаться ко второй теме нашей повестки, она была предложена вами, мы в нашем личном частном общении проводим. Вы мне показали ролики о [Черемше](#). Я не знаю, стоит ли рекомендовать нашим зрителям, но они имеют вполне конкретную целевую аудиторию. Они выполнены в очень специфической манере. Но я лучше дам слово вам, потому что как раз вы мне их и открыли. Это интересный феномен. Расскажите, что мы будем обсуждать в виде появления нового медиафеномена, направленного именно на наше молодое поколение. На что там будем обращать внимание?

ТХ. Да, Семён Сергеевич, прежде чем будем говорить про Черемшу, ещё одно замечание в части топливного кризиса. Эта война показывает уязвимость крупных объектов. Мы видим, что несмотря на всё ПВО, защиты и т. д., когда идёт рой дронов, когда он умно организован и прочее, они прорываются. Много не надо, если мы сбили 100, а два-три прорвалось, этого хватает для нанесения иногда очень серьёзного ущерба. И здесь, я не помню, у кого-то из политактивистов в последнее время прочитал интересную мысль, что нам стоит присмотреться к [опыту такого локального мини-производства топлива](#), который был у нас, в том числе, в ходе [Чеченской войны](#), когда очень много маленьких заводиков производили этот бензин, который

продавался в обе воюющих тогда стороны. Сама идея децентрализации, рассредоточенности очень многих элементов нашей инфраструктуры, это касается не только объектов топливно-энергетических, здесь же и электрические, какие-то ещё могут быть решения, это интересный очень путь, ставка на рассредоточенную инфраструктуру, которая может быть альтернативой. Потому что если [нанесён] серьёзный урон крупному НПЗ, ты сколько его будешь восстанавливать? А десяток маленьких станций, снабжающих муниципалитеты и т. д., в этом может быть своя логика. С другой стороны, у этого решения тоже есть минусы, поскольку прикрывать крупные НПЗ понятно как, а если охотятся на маленькую станцию, то как она уцелеет, это другой вопрос. Но это просто в качестве заметки на полях.

СУ. Принято, это был пост у [Алексея Чадаева](#) в Telegram-канале в виде [открытого письма Рамзану Кадырову].

ТХ. Наверное, да.

СУ. Вы сказали, что у кого-то был пост. Я напоминаю, это был Алексея Чадаева.

ТХ. Теперь о Черемше. Это интересное совершенно явление, когда какой-то элемент интернет-потребительской культуры превращается в когнитивное оружие, причём мишенью этого оружия является детское сознание, и аудиторией, мишенью являются школьники приблизительно с четвёртого класса, иногда даже младше, по старшие классы, в основном это средняя школа. Мы привычно говорим об интернет-зависимости, гаджет-зависимости. Специалисты здесь бьют тревогу очень серьёзную, и нейрофизиологи, и психологи, и возрастные психологи, детские психологи. Средний возраст пользования гаджетами сейчас снижается, ниже трёх лет — начало пользования гаджетами, очень много можно этого увидеть. Я думаю, все, кто ездит в общественном транспорте, часто это видят: мама, дающая ребёнку телефон, и сама сидящая в своём телефоне, или коляска, на которой установлен штатив для телефона, и т. д., и т. п. Это отдельная большая тема, почему гаджеты опасны, какие изменения в психике они вызывают. Очень коротко повторю мысль, что, по сути,

давать ребёнку в возрасте до 12 лет свободно пользоваться телефоном — это то же самое, что разрешать ему свободно пить пиво. Воздействие на сознание, мотивационные механизмы мышления будет примерно одинаковым, и в ряде случаев, может быть, мобильный телефон даже опаснее.

Возникла такая культура мемов. Раньше дети рассказывали друг другу анекдоты или какие-нибудь [хулиганские стишки из серии про маленького мальчика](#), который «нашёл пулемёт. Больше в деревне никто не живёт», и т. д. — всякие такие смешные истории, которые передавались с помощью слова и связных текстов (песни, стишки, юморески и проч.). Потом это стало вытесняться культурой мемов, смешные картинки с подписями.

А потом возникли рилсы, коротенькие видео, иногда со смешным содержанием. Но если проследить их эволюцию, они становятся всё более и более бессмысленными, очень часто на коротенькое видео накладывается какой-нибудь абсурдный текст, который легко запоминается и который школьники часто повторяют. Это отдельная история, потому что это чистый дофамин, вроде как прикольно, вроде как ребёнку хочется улыбнуться, они, как правило, не несут в себе (по крайней мере, многие из них) какого-то явно негативного содержания, это не вызывает отторжения у родителей. Ну, повторяет ребёнок какой-то прикольный, и повторяет, вот, они его все повторяют. Но тут эта штука соединилась с какими-то талантливыми и недобрыми людьми, и возник вот этот проект «Черемша».

Я уверен, что это не самостоятельное творчество, что его делали люди, которые понимают, что они делали. И тут дело не просто в юморе, а дело в том, что это именно осознанное применение когнитивного оружия по детской аудитории. Те, кто не видел «Черемшу», я очень коротко скажу, что это цикл коротеньких роликов, сгенерированных искусственным интеллектом на основе видеографики советского плаката 50-х — 60-х годов, в основном, иногда 70-х. Там есть несколько постоянных персонажей, есть такой полукролик-полулев, его зовут Черемша, есть рыба с собачьей головой, её зовут Бердыш, есть там ещё несколько персонажей: Михалыч, Зина, тёща и т. д. Ролики генерируют абсурдные видео в духе того, что в СССР на улицах росли деревья, в воздухе летали пельмени, с деревьев свисали водяные шланги, рос холодильник «Днепр», Черемша вышел с чайником в зубах, Михалыч спросил: «А что, Черемша чай не кипятит?» Зина ответила: «Так ведь джунгли, термодинамика по талонам» и прочий бред. Или другой ролик, как в Советском Союзе самым умным был Бердыш, эта рыба с собачьей головой, академики с ним советовались и т. д., и т. п. Роликов много, созданы они талантливо, это такой смешной абсурд. Совершенно идиотские сюжеты, они смешные, они прикольно нарисованы. Или, например, как в СССР были альтушки, как учёные измеряли высоту платформы сапог, как эти альтушки вращали станки и т. д. Такой бред-бред-бред. Текст тоже бредовый.

Это пример абсурдистского текста. Это очень сильно апгрейденный в постмодернистском духе [Кафки](#). Это оказывает на детскую психику два ключевых воздействия. Первое. Формируется устойчивое абсурдоцентричное представление о Советском Союзе. После этого любой разговор о советской действительности со школьниками, которые подсели на эту «черемшу», будет вызывать рефлекторный смех, и будут в сознании возникать картинки, сводящие всё к абсурду: «Ха-ха-ха, так ведь в Советском Союзе людей не было, это всё были алгоритмы». Или «там стояли в очереди за стекловатой, которую Зина потом варила в борще». «Ха-ха-ха, там самым умным был Бердыш» и т. д. Эта штука въедается в мозг, она создана так, что она запоминается и визуально, и текстуально. К ней придумали эту самую стихотворную речёвку, с чего вообще начиналось, что там всё делали тихо, неспеша, Черемша — они реформовали.

Раньше оппоненты советского прошлого с ним спорили рационально. Например, солженицынская или хрущёвская критика сталинского периода, или то, что наши либералы активно продвигали, что режим кровавый, народ бедный, государство мобилизационное, личность подчинена обществу, ах, ужас-ужас-ужас. Сторонники Советского Союза рационально аргументировали в ответ, они говорили, что цифры репрессий преувеличили, что наряду с издержками были явные достижения, которые повлияли на весь мир, социальные завоевания XX века (бесплатная медицина, всеобщее образование, восьмичасовой рабочий день) — это советские достижения. Это был некий рациональный спор. Сейчас наши противники поменяли стратегию, они работают в жанре этих абсурдистских технологий. После этого никакой рациональный дискурс о Советском Союзе становится невозможным. Причём это работа вдолгую.

Я ещё раз хочу сказать, что мишенью являются школьники. Они потом вырастут, причём скорее всего, расти они будут в условиях пока бесконтрольного использования технологий искусственного интеллекта. Нас, работников сферы образования, это пугает невероятно, и мы не очень понимаем, как с этим бороться. Недавно в одной из соцсетей прикольную картинку увидел: люди хлещут плётками море и подпись: «Это преподаватели борются с искусственным интеллектом». А это действительно так, потому что наша система антиплагиата его не ловит вообще, если там более-менее хорошие нейронки используются. Мы видим, как массово школьники подсаживаются на ИИ. Есть исключения, есть отдельные случаи, когда всё не так. Я сейчас говорю о тенденции. Массово подсаживаются и передоверяют сначала написание письменных работ, потом подготовку устных ответов, придумывание тем сочинений и прочее. Это вызывает стремительную деградацию мышления. И все исследования серьёзные, в том

числе в западных университетах, в MIT, в Stanford и прочее, это подтверждают. Никто этого не скрывает из специалистов. В сознание детей с таким деформированным мышлением, уже подсевших на эту «черемшу», впечатывается этот самый дискурс, потом транслировать им какую-то внятную левую повестку, некие рассказы про советскую античность будет практически невозможно. Это будет вызывать гомерический хохот, и «черемша» будет вам ответом. Они даже не будут с вами спорить. Им просто станет прикольно. Это стратегия вдолгую.

СУ. Дело не в левой повестке. Это просто делает невозможным понимание, что это было за общество, чем оно отличалось и почему оно отличается от того, что есть здесь и сейчас. В частности, в чём, например, Китайская Народная Республика является наследницей того проекта. Это в принципе разрушает мировоззрение, и образуется целый провал в коллективной памяти. Правильно я понимаю?

ТХ. Конечно. Мало того, что разрушает мировоззрение, это ещё разрушает само мышление. У детей, подсевших на эти рилсы про «черемшу», просто разрушаются нейронные связи. После этого мыслить связано, логически, долго, сосредотачивать внимание на каких-то единицах информации, более-менее требующей интеллектуальных усилий, становится практически невозможно. То есть это оружие, ещё и взламывающее мозг ребёнка. Причём оно не вызывает отторжения у родителей. Мы с Лигой безопасного интернета эту ситуацию обсуждали (у нас есть такая организация в Краснодарском крае). Родители говорят: «Ну что, ну, кролик этот ходит с львиной головой, рыбка плавает. Ну, смешно. Бредятину какую-то смешную говорят, но слава богу, не про секс, не про наркотики, не про ЛГБТ* и т. д. (запрещённое в России). Значит, ничего страшного». А оказывается, страшно. Это разрушение мировоззрения, совершенно верно. Тогда серьёзный диалог о том, откуда возник советский проект, как он повлиял на остальной мир, китайские, корейские версии, латиноамериканские версии социализма. Всё это на фоне ещё нагнетаемой определёнными правомонархическими силами в России истерии по поводу советского прошлого, типа этого гадкого фильма «Мумия», который запускал определённый наш телеканал. И этой пакости много.

Сейчас у нас нет других забот, как выяснять отношения с Лениным и Сталиным, буквально. А пытается какая-то часть сделать это. Но смотрите, это же резонирует с мировой повесткой. Вот, недавнее [заявление Трампа в отношении коммунизма](#). Те мировые силы, которые враждебны к нам, эти самые «[тёмные силы веют над нами](#)». И в первую очередь это мировой [неофашизм](#), который является тараном, направленным на нас. Остриём этого тарана является Украина, но таран не сводится к острию. Когда мы пытаемся клоунизировать то, что происходит на Украине, мы очень недооцениваем масштабы происходящего, связь того же «азовского»* движения, признанного экстремистским, с неонацистскими движениями по всему миру, какие американские, канадские, европейские структуры с ними активно коммуницируют и прочее. Для них врагом номер один является советская повестка, потому что в своё время коммунизм сломал хребёт нацизму. И в 1945 году ни у кого по поводу этого не было сомнений или других трактовок.

Сейчас убрать левую повестку вообще из повестки дня, извините за тавтологию, — это стратегическая задача номер один. И это же бьётся со всей их отвратительной идеологией, которую там называют [тёмным просвещением](#), [технофеодализмом](#), [инклюзивным капитализмом](#) и т. д., то есть когда богатые будут отделены от бедных непроницаемой прослойкой, когда это будет признано естественным порядком вещей, в радикальных версиях имеющих и биологическое подтверждение, в менее радикальных — технико-организационное сопровождение и прочее. В этом плане

как никогда миру сегодня нужна левая повестка, те или иные версии социалистической идеи или коммунистической идеи.

И никто не говорит о буквальном ремейке того, что было в Советском Союзе. Очень много усилий тратится на то, чтобы это разрушить.

«Черемша» — один из эффективных примеров использования вот таких информационных дронов, бьющих по сознанию наших детей.

СУ. Принято. Единственное, что добавлю,

этим ещё с радостью пользуются наши внутренние силы, которые решают свои сугубо политехнологические предвыборные задачи. Таким образом можно самоубиться, этого не заметив.

Это долгие годы объяснял и [Дмитрий Юрьевич Пучков](#), его знаменитая формула о том, что любой антисоветчик всегда рано или поздно становится русофобом. Но к сожалению, у нас такого понимания даже у значительной части интеллектуалов нет. Но это вызывает вопросы, интеллектуалы ли они.

Спасибо, Темыр Айтчевич, за разъяснение. Вы мне тоже показали эти ролики. Я был не то чтобы удивлен, я в этом увидел руку мастера, в смысле политехнологов, которые решают свои прикладные задачи. Пусть это останется на их совести, а наша задача — разъяснить, что это такое и зачем.

Темыр Айтчевич, я предлагаю перейти как раз к вводной части. Она у нас будет именно без каких-то лишних подробностей. Что есть социология, что мы будем разбирать. Я надеюсь, что это у нас будет цикл бесед. Вы будете давать мастер-классы, рассказывать, я буду внимать и где-то делать какие-то свои политехнологические зарисовки, потому что я всегда с социологией имел дело очень практическое, больше не как с наукой, а именно как с ремеслом. Тем не менее, постепенно погружаюсь и по вашей, в том числе, наводке прочитал уже некую классику академическую. Так что вам снова слово.

ТХ. Спасибо, Семён Сергеевич. Разговор о социологии как науке тоже очень актуальный и интересный, потому что это слово уже замыленное. Мы говорим: «Давайте покажем ту или иную социологию», имеются в виду результаты социологических исследований каких-то сторон общественной жизни. Если мы спросим обывателя, что такое социология, они скажут, это опросы общественного мнения или какие-то таблички, графики, которые люди где-то показывают.

Социология — это очень интересная интегральная наука среди общественных наук, потому что другие общественные дисциплины изучают разные аспекты общественной жизни.

Например, экономисты изучают то, как люди производят и распределяют блага разные, материальные, нематериальные, и т. д. Политологи изучают, как люди строят отношения власти и управления в обществе. И т. д.

А социолог, как и историк, изучает общество в целом,

у него ключевой вопрос такой: а как вообще существует эта штука, которую мы называем «общество»? Что оно собой представляет? Как оно устроено? Какие закономерности имеет его существование и развитие. Это один фокус социологии, то, что мы называем макросоциологией. А с другой стороны, есть микросоциология, социология человеческого поведения. В этом плане

социология — это поведенческая наука. Она не очень далеко ушла от психологии. Более того, она вбирает её в себя в качестве социальной психологии.

И в основании любой крупной социологической теории лежит та или иная модель человека. Как мы себе представляем, что такое человек, каковы его мотивы и т. д., и т. п.

А есть ещё посередине мезосоциология, которая изучает отдельные общества, [делает] их сравнительный анализ, [рассматривает] их нюансы и т. д. В этом плане может быть социология российского общества, социология американского общества, социология города или социология деревни. Очень закрытая для посторонних глаз и очень интересная китайская социология. В Китае социологов, кстати, довольно много, но они почти не публикуют в международных каких-то [изданиях] данных о китайском обществе. Эта информация у них дефицитная, по крайней мере, самые общие вещи говорят.

Эта наука сегодня актуальна как никогда. Само слово возникло в первой половине XIX века, ввёл его в научный оборот [Огюст Конт](#), его называют во всех учебниках отцом социологии. Конт родился в самом конце XVII века, 1798 — если не ошибаюсь, год рождения, 1857 — точно помню, год смерти. В начале своей интеллектуальной карьеры он работал секретарем [Клода-Анри де Сен-Симона](#), тоже очень крупной интеллектуальной фигуры, и испытал на себе влияние многих его идей. Первоначально то, что он предложил, он называл социальной физикой. Потом, в 1839 году, если я не ошибаюсь, в его многотомнике «[Курс позитивной философии](#)» появляется термин «социология». А потом он интересно эту идею дальше развивает.

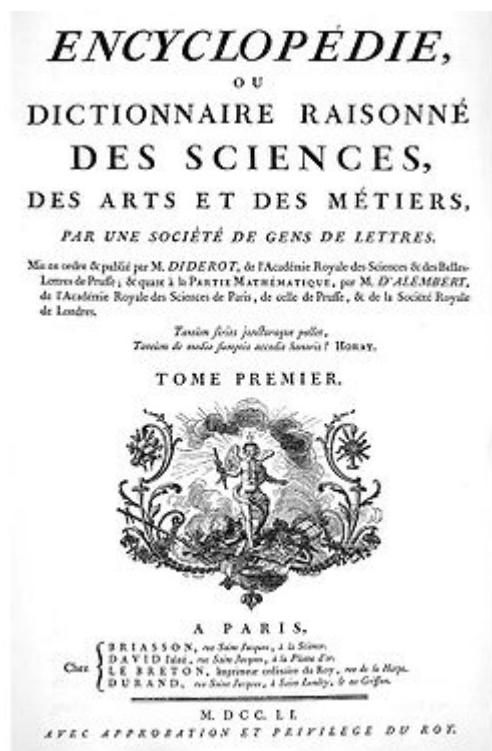
Социология возникла как очень интересный интеллектуальный проект. И Конт — почему его называют отцом социологии — во многом этот проект, что называется, проговорил и прописал. Он при этом гораздо меньше сам сделал как социолог-практик, точнее сказать, почти ничего. Но как теоретик нового интеллектуального направления он срезонировал. Социология стала развиваться. В курсе истории социологии мы со студентами перечисляем очень много разных фамилий и т. д. Но поскольку наш с вами цикл бесед не будет носить академического характера для социологов, то мы, наверное, возьмём самые крупные, самые заметные интересные фигуры и попробуем немного их идеи обсудить, значимость этих идей для понимания общества.

Когда социология возникла, было три группы причин, по которым это произошло:

- Были причины объективные, социально-экономические, то есть менялось общество.
- Были причины идейно-мировоззренческие. Это Просвещение, это утопический социализм, это английская политэкономическая мысль в лице [Смита](#), [Бентама](#), [Милля](#) и т. д.
- И были причины научно-методологические: успехи в развитии естественных наук, сначала физики и химии, а потом биологии.

Огромное влияние на интеллектуальную жизнь оказали работы сэра [Чарльза Дарвина](#), который после путешествия на корабле «Бигль» опубликовал свою знаменитую работу, посвященную происхождению и взаимоотношению видов, [теория эволюции](#). Всё это оказывало очень большое влияние на становление этой новой науки. Оно проходило в сложной борьбе разных идей. Например, величайшая фигура в социологии XIX века и самая влиятельная политическая теория XX века — [Маркс](#), который на дух не переносил социологов, считал их приспешниками буржуазии. У него есть такие пассажи, что социология — это наука, созданная для оправдания буржуазного общества. Он свою критическую теорию не называл социологией. Хотя в любом учебнике социологии мы обязательно увидим Маркса в любой западной стране, да и не в западной, он в числе классиков находится. В этом смысле, кстати, очень примечательное отношение к Марксу в Советском Союзе, особенно в позднем Советском Союзе, когда из него сначала сделали священное писание примитивно-догматическое, когда любую диссертацию, по какой бы науке ты ни писал, условно говоря, по виноградарству, ты всё равно обязан был сослаться на классиков марксизма-ленинизма. А потом его отринули и сказали, что марксизм — это ложная теория, он устарел и т. д. И то и другое — это псевдоинтеллектуальный бред. Это какие-то примитивные отношения к очень глубокой, очень сложной научной теории.

Но если отвлечься от Маркса, вернуться к Конту и к возникновению социологии, несколько штрихов к тому, что происходило в западных обществах во второй половине XVIII века — первой половине XIX века. Во-первых, это политические изменения. Это Великая Французская революция, это последовавшие потрясения, потом революционные войны, [наполеоновские войны](#), всколыхнулась вся Европа. Этому же предшествовало движение Просвещения: [Вольтер](#), [Дидро](#), [Руссо](#), другие деятели Просвещения с их проектом интеллектуальной свободы, энциклопедизма ([энциклопедия](#) знаменитая французская) и т. д.

Лозунг был такой: «Свобода, равенство, братство». А потом получили сутками работающую гильотину в Париже, чудовищный террор, сначала революционный, потом контрреволюционный, потом войны. В общем, Европа после 1815 года, после [Ватерлоо](#) немного вздрогнула (интеллектуальная Европа) и стала друг другу задавать вопрос: «А что это было, вообще? Мы обсуждали другое, мы обсуждали не это кровавое зверство, а свободу, равенство и

братство. Как же так получилось?» Одну из попыток дать ответ на это как раз предпринимает Конт.

Во-вторых, это промышленная революция. Это невероятно быстрые изменения технологического уклада и социального уклада. Возникновение промышленного производства, массовый переезд крестьян из деревень в города, стремительный рост городов. В течение 100 лет крупнейшие мировые столицы, такие как Лондон, Париж, Нью-Йорк, Санкт-Петербург, выросли в 10-12 раз по численности жителей и по площади, возникли рабочие кварталы, пролетариат возник как класс. Это потребовало коррекции системы управления, транспортная система изменилась. В общем, совершенно революционно меняется жизнь, на наших глазах разрушается старый порядок. И в этом разрушении старого порядка две таких мысли у всех: «А что же это такое формируется? Что это такое за общество?» И ностальгия по старому порядку.

А с другой стороны, явное понимание того, что общество-то это безжалостное. Эту безжалостность раннего капитализма ещё задолго до Маркса уловила вся социально ориентированная литература западная. А потом Маркс продолжил её вдохновлять, и в начале XX века [появилась] великолепная работа [Джека Лондона «Люди бездны»](#). Это литературный рассказ, литературное эссе на основе включённого наблюдения, посвящённое жизни беднейших рабочих, беднейших слоёв пролетариата в Лондоне, в Англии, в Ист-Сайде. Этот безжалостный капитализм лучше всех, в конечном счёте смог осмыслить Маркс, конечно, его рождение, его последствия. Что с ним делать? Как устроить общество на началах справедливости и разума? Здесь влияние этой социально-утопической мысли Сен-Симон, [Фурье](#), [Оуэн](#), Конт был учеником Сен-Симона и его секретарём долгое время. И, конечно, на него тоже оказали влияние эти идеи.

Какие идеи сформулировал Конт, которые потом реализовались в этом интеллектуальном проекте, когда слово «социология» стало уважаемым, когда возникли кафедры, возникли учёные, называющие себя социологами. Конт первоначально сказал следующее: нам нужна социальная физика, потому что мы с вами изучаем общество умозрительно, спекулятивно, мы о нём рассуждаем, а его надо изучать так, как физики изучают природу, с опорой на наблюдение, измерение, эксперимент эмпирическим путем. Нам надо перенести методы естественных наук в науки об обществе. Этим была вдохновлена, наверное, до второй половины XIX века — до начала XX века существенная часть обществоведов, что «мы будем изучать общество как естественные науки». Конт предлагал физику. Другой его (чуть более поздний) современник, [Герберт Спенсер](#), англичанин, он [предлагал] биологию, идеи сэра Чарльза Дарвина, [эволюционизм](#) — надо на таких началах изучать общество, используя методологию, аппараты, интеллектуальные инструменты естественных наук. Это первая идея, что изучение общества должно быть эмпирическим, научным.

Вторая идея: общество эволюционирует, оно меняется. И очевидно, не заметить этого в первой половине XIX века было как-то странно. Как объяснить эти изменения? Что за законы управляют этими общественными изменениями? Конт связывает это с развитием культуры мышления, с развитием человеческого разума. Он говорит, что разум, человеческий интеллект в своём развитии проходит три стадии (это знаменитый закон трёх стадий):

- теологическую,
- метафизическую,
- позитивную.

Условно говоря, примитивно религиозных объяснений, веры в духов, фетишизма и прочее, через сложные религиозные системы, такие как монотеизм, через спекулятивную философию, к чему он относил, видимо, всё просвещение, разум приходит к позитивной, то есть научной,

стадии, начинает изучать общество как социальный физик, и это принесёт всем благо. Это позволит устроить общество на началах справедливости и гармонии, на том, чтобы свободы и благо находились в сбалансированном состоянии.

Потом [возникла] идея о том, что общество надо изучать в двух плоскостях, статика и динамика. То есть надо изучить структуру, как, условно говоря, биологи изучают анатомию, из чего состоит человеческий организм. А потом — развитие, как он меняется. В современной номенклатуре социологических наук есть такие [понятия] как социальные институты, социальные структуры и процессы. Это как раз контовская идея, её следы, что общество изучается в статике и в динамике.

Впоследствии Конт термин «социальная физика» заменяет на «социологию». Он говорит, что науки в определённом порядке переходят к этой позитивной стадии. Первые приходят физики, физическое взаимодействие. Потом химики — более сложные, потом биологи, и только потом появляются социологи. Это следующая стадия, когда более сложный объект — общество — включается в изучение науки.

Последняя крупная работа Конта называлась так: «Система позитивной политики, или Трактат о социологии, устанавливающий религию человечества». Ни много ни мало. А здесь интересный очень момент, потому что Конт — в каком-то смысле это конец того пути, который был задан [Декартом](#). Декарт, философия нового времени, его знаменитое *Côgitō ergō sum* ((лат). — «мыслю следовательно существую»). И рационализм Декарта как такой манифест нового времени.

А Конт, по сути, всё это доводит до высшей точки — веры в разум и что всё можно объяснить на основе фактов. Да, кстати, Конт вводит первым, наверное, даже понятие социальных фактов, их потом разовьёт [Дюркгейм](#), другой уже французский социолог. Но нужна религия. Он был материалистом. [Позитивизм](#) — это ведь крайняя степень материализма, мы доверяем только тому, что доступно логике, наблюдению, измерению, нет никакой метафизики, то, что научному методу поддаётся, только это и существует. А есть какая-то потребность в духовных связях, в духовных скрепах, у общества в том числе. И Конт это понимает. Когда он описывает разные общественные процессы, он говорит, что люди должны быть объединены какими-то общими идеями и что социология установит новую религию человечества. Конечно, это тоже отголоски идей Просвещения и Французской революции, религия разума, которую революционеры пытались каким-то образом тоже утвердить во Франции.

Интересно, что буквально вслед за Контом в европейской философии (не социологии, я хочу подчеркнуть) начинается подъём прямо противоположного идеи. Когда до максимума дошёл этот позитивизм, рационализм, вера в логику, факт и прочее, вдруг выяснилась какая-то духовная пустота, и вторая половина XIX века — это резкий набор популярности иррациональной философии. Это [Шопенгауэр](#), это [Ницше](#), и потом это [Фрейд](#) — вот такие философы и рационалисты, которые говорят, что нет, ребята, разумом всё не исчерпывается, есть ещё и воля, есть ещё и воля к власти, есть воля к удовольствию и т. д.

Мы немного ушли в сторону. Заканчивая разговор о Конте, Конт достаточно подробно сформулировал проект этой новой науки, описал методы, которыми она должна пользоваться. У него там есть и наблюдение, и сравнительно такой исторический метод, и эксперимент, в том числе опосредованный эксперимент наблюдения общества в период кризисов и прочее. Но ещё раз, всё это он сформулировал, скорее, как проект. Потом этот проект очень здорово резонировал, но и нам всё равно придётся кого-то отобрать, потому что много интересных мыслителей, но если останавливаться на ключевых (это, конечно, будет немного субъективно), я бы для понимания классического периода социологии до начала XX века выделил бы нам для

дальнейших бесед следующих:

- Герберт Спенсер, уже упомянутый эволюционизм в социологии.
- Это [Французская социологическая школа](#), Эмиль Дюркгейм, человек, который фактически определил место социологии в системе других наук, сформулировал принципы социологической методологии, развил учение о социальных фактах и т. д. Очень интересный трактат о самоубийствах написал, [Le Suicide](#). Очень крупный мыслитель, огромное влияние оказавший на методологию этой науки, Спенсер, Дюркгейм.
- Маркс — безусловно, крупнейшая фигура XIX в. и самая влиятельная фигура XX века. От Маркса ниточка тянется и к американской критической социологии, и к латиноамериканской критической социологии, и к [теологии освобождения](#). Это очень интересная интеллектуальная история.
- Вот передо мной на столе, например, лежит фотография [Камило Ристрепо Торреса](#). Это колумбийский священник, основатель факультета социологии в Национальном университете Колумбии, который вступил в партизанский отряд в результате гонений и был убит в первой же перестрелке. Он работал врачом у партизан колумбийских, и он один из лидеров теологии освобождения, очень интересное интеллектуальное направление, очень плохо у нас известное, это линия от Маркса.
- Дальше, конечно, упомянем «друзей» всех политехнологов. Это [Габриэль Тард](#) и [Густав Лебон](#), француз и итальянец. Это социальная психология масс, психология толпы. Интересная очень.
- Это, конечно, крупнейшая фигура [Макса Вебера](#). И это некий очень интеллектуальный, очень глубокий [учёный], не оппонент Маркса, их иногда примитивизируют, говорят, что Маркс одно, Вебер другое, они оппоненты. Они не оппоненты. Они с разными интеллектуальными инструментами, с разных методологических позиций пытались понимать общество. И оба достигли выдающихся результатов. Их не надо сталкивать между собой лбами. Они друг друга очень органично дополняют.
- Это, конечно, наш [Питирим Александрович Сорокин](#), русско-американский социолог, это уже XX век, фактический основатель [Гарвардской социологической школы](#), потом его коварно сместил [Толкотт Парсонс](#), которого он взял на работу. Это американская эмпирическая социология, хотя она не только эмпирическая, там есть элементы очень интересной теории.
- Это [Чикагская социологическая школа](#), невероятно яркая, интересная, влиятельная в начале XX века, в 10-20 годы, очень много сделавшая именно в части прикладной социологии, социологии как инструмента решения общественных проблем.
- Это очень крупная фигура [Роберта Мертона](#) середины — второй половины XX века.
- Среди современных социологов много интересных идей, но я бы в первую очередь упомянул [Зигмунта Баумана](#) с его теорией индивидуализированного общества, «[Текучая современность](#)».
- А дальше мы посмотрим, тут много таких. Это [Юрген Хабермас](#), это [Бурдьё](#), конечно, хотя он себя не позиционирует как социолога, но тем не менее и т. д. Какие-то представители [французского постструктурализма](#), [Бодрийяр](#) тот же и прочее.

Среди классиков самые величественные фигуры, на мой взгляд, — это те, кого мы перечислили. Помимо Конта, это Спенсер, Дюркгейм, Маркс, Вебер, Сорокин. Социологи профессиональные проклянут меня, что я [Фердинанда Тённиса](#) оставил в стороне. Мне кажется, его для целей наших бесед можно и оставить. Это Чикагская школа, критическая левая социология, которой, повторяю, очень мало внимания уделяется сейчас в учебниках, она очень интересная.

СУ. Я в предвкушении, Темыр Айтчевич, наших будущих бесед. Я очень-очень жду, и тогда уже в переписке мы доформулируем, это будет очень-очень здорово. Спасибо вам за просвещение.

ТХ. Спасибо вам за это интересное предложение. Мне кажется, оно освежило содержательно наш проект «Социология здорового общества».

СУ. Уважаемые зрители, слушатели, [читатели], кто будет расшифровку читать, ждём от вас комментариев, вопросов, предложений, может быть, тем для нашей рубрики «Социология здорового общества». Кто не слушал, послушайте первые, особенно важные, семь-девять, по-моему, выпусков. Когнитивная война бушует, народ теряет просвещение и [чистоту понимания](#), поэтому у нас есть ещё и практические задачи, то есть поддержка здравомыслия, с одной стороны, и здорового нормального мировоззрения, потому что нас не только сводят с ума наши оппоненты, но в том числе и наша массовая культура, которая действует этими же методами. И сегодняшний пример этой «черемши» — это отличный пример.

Спасибо большое, Темыр Айтчевич. Очень полезно, прям мысли зашевелились ещё больше.

ТХ. Взаимно спасибо, Семён Сергеевич.

СУ. Уважаемые слушатели, зрители, до новых встреч, да пребудет со всеми чистота понимания. Это был 74-й выпуск нашей рубрики «Социология здорового общества». До новых встреч.

** В беседе упоминаются движение ЛГБТ, признанное экстремистским, его деятельность на территории Российской Федерации запрещена; украинское националистическое подразделение «Азов» — признано Верховным Судом РФ террористической организацией, его деятельность на территории Российской Федерации запрещена.*

[Словарь когнитивных войн](#)

[Телеграм-канал Семена Уралова](#)

[КВойны и весь архив Уралова](#)

[Группа в ВКонтakte. КВойны. Семён Уралов и команда](#)

[Бот-измеритель КВойны](#)

[Правда Григория Кваснюка](#)